

НА ОСТРОВЕ СО «СВОБОДОЙ»

ПИСАТЕЛЬ ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: ПОЧЕМУ
ЗАПАД ТАК ОХОТНО ВЕРИТ БАСАЕВЫМ.

В начале октября я сидел на греческом острове и не знал, что происходит в мире. В домике, почти буквально висящем над морем, не было телевизора. Греческую газету при всем желании не прочтешь, не зная греческого языка. Между тем сравнительно неподалеку разворачивались события на Северном Кавказе. Я нервничал: что там сейчас?

В конце концов кое-как приспособился. В порту стал покупать «Интернэшнл геральд трибюн», в городке приобрел коротковолновый приемник «Оскар». Последний вызвал у меня приступ ностальгии: почитай уж двадцать лет не приходилось шарить по волнам, перескакивать с одних частот на другие, менять положение прибора в пространстве, заземлять его на себя и совершать другие подобные действия, хорошо знакомые уловителям «вражьих голосов» 60-х и 70-х годов. Парадокс еще усугублялся тем, что на этот раз я пытался сквозь завывание сирийской и иракской музыки уловить голоса Москвы.

Московский сигнал почти не доходил до этих берегов, хотя однажды я вдруг услышал знакомый голос: старый друг Бен Сарнов читал свой рассказ. Приятный сюрприз, однако в нем не содержалось никаких новостей о кавказской кампании. Англоязычные радиостанции ограничивались двумя-тремя фразами в сводках новостей: «Российские BBC продолжают бомбардировать территории Чечни. По сведениям официального Грозного, наблюдаются большие жертвы среди мирного населения». Ну, если «официальный Грозный» дает такие сведения, подумал я, нужно думать, что большие жертвы наблюдаются среди немирного населения.

Тут вдруг прорезались знакомые позывные. Ба, да ведь это не кто иная, как наша милейшая пифия «холодной войны» — радиостанция «Свобода»! Вот она-то уж оповестит русских Робинзонов Этейских островов обо всех подробностях! Все, однако, оказалось не так-то просто на коротких волнах. «Свобода» то начинала звучать так чисто, как будто она сидит рядом с моей узкой койкой, в моем роскошном вольтеровском кресле (странные остроногие меблировки), то вдруг стремительно удалялась в мир космического шороха. Так или иначе эта радиостанция стала для меня основным источником информации.

Странная, однако, это была информация. Иной раз казалось, что она проходит напрямую по ведомству Мовлади Удугова. То вдруг ты слышишь чей-то сусальный рассказ о путешествиях по Чечне, о том, как угощали там автора шашлыком с чесноком (без уточнения, из какого мяса был шашлык), о том, какие милье в своей наивности вопросы о Нью-Йорке задавали ему его хозяева под рев проносящихся на бреющем полете русских джетов. И таких карапузиков мы бомбим! Как тут удержаться от горечи и гнева?

Что касается военных действий, то до меня доходили через «Свободу» только сводки чеченского командования. Согласно этим сводкам полу-

чалось, что русские бьют лишь гражданское население. То есть не то что они типа не хотят бить басаевских башибузуков, очень даже хотят, однако патологически не попадают. Да и как, сами посудите, может какой-то жалкий русак, пусть даже на самолете, попасть в чернобородого богатыря ислама? Вот они и начинают от отчаяния бить гражданское население. Не умеют также русские и избегать чеченских пуль, басаевцы бьют их сотнями, не мелочатся. Вот выбили их из станицы Червленная и навалили там груды, груды русских тел! Потом вдруг как-то случайно выясняется, что Червленная давно уже взята и без особых потерь, а башибузуков там и не видно. Интересно, много ли радиослушателей знает о тотальной лжи удуговского агитпропа и о том, что все их цифры надо делить или умножать по крайней мере на десять?

Во время боев за Горагорскую «Свобода» приподнятым тоном объявила: «Информация о блокировании Шамиля Басаева не оправдалась, он находится в Грозном». Что за информация? Вчера я несколько раз ловил сводку новостей, и там не было ни слова о том, что Басай попался. Значит, плохие новости мы не торопимся сообщать? Спешим только с хорошими новостями?

Однажды я вышел на открытый эфир «Свободы». Российские радиослушатели получили возможность высказаться по чеченской проблеме. Передачу вела женщина с приятным властным баритоном. Она благосклонно выслушивала тех, кто честил Ельцина или клеймил федералов за «геноцид чеченского народа», однако резко обрывала тех, кто начинал говорить что-то не то. В частности, один гражданин заявил, что террористы, взрывающие дома со спящим населением, должны быть уничтожены. Кого вы имеете в виду, строго спросила дама. Басаева, Хаттаба и прочую банду, ответил дерзновенный. Что за бесактные замечания, возмущенно воскликнула ведущая и тут же отключила бесактного гражданина от эфира. Кто дал вам право их так называть? Что же тут такого бесактного, сударыня, хотелось спросить. Как прикажете называть живодеров и душегубов? Борцами за независимость? Может быть, и Дженка-Потрошителя в Англии надо было называть романтическим героем и байронитом?

Между тем в западной прессе, в том же «Геральде», неизменно называют Басаева «лидером повстанцев». Бандитов часто именуют «исламистами». О взрывах в Москве упоминают с обязательным добавлением «якобы»: «...террористические акты в Москве и других городах России, якобы совершенные чеченскими исламистами...»

Журналистка «Нью-Йорк таймс» публикует репортаж из чеченских окопов в «отбитой у врага» станице Червленная (когда она была отбита, если там уже целую неделю стоят федеральные силы?). Она разговаривает с боевиками, и те радостно навешивают ей лапшу на уши. Один из них, юный электрик из Алма-Аты, приехал сражаться по призыву Ал-

лаха. Второй, юный сварщик из Ташкента, воюет под защитой небесных сил и потому не боится российских самолетов. Третий, юный пчеловод из Дагестана, будет здесь биться до победы, а потом поедет в другие места, где бьются. Журналистке даже не приходит в голову — во всяком случае, она этого не показывает, — что перед ней банда наемников.

Вернемся, однако, к «Свободе». Посторонним может показаться, что тамошние журналисты просто-напросто выполняют указания своего американского начальства, но я не посторонний и знаю, что это не так. Даже в годы «холодной войны», когда я там сотрудничал, на станции всегда возникало влиятельное ядро русских интеллектуалов, которые распространяли свое мнение и на американскую администрацию. Так и сейчас существующее на станции ядро интеллектуальных разночинцев влияет на начальство гораздо сильнее, чем оно на них. У этих людей на все внутри и вне их круга всегда готов свой шаблон. Ничего зловещего в этом шаблоне нет, он состоит из благороднейших побуждений и даже соответствует той дефиниции русской интелигенции, что была предложена Набоковым в его письме Эдмунду Уилсону. Согласно этому шаблону, малое всегда лучше большого. Большое всегда стремится подмять малое, и если малое сопротивляется, справедливость всегда на его стороне. Реальность, увы, не всегда соответствует этой тезе. Малое иногда становится абсолютным злом, и именно так обстоит дело в Чечне.

Говоря об «абсолютном зле», я, конечно, не считаю Россию воплощением абсолютного добра. Этой стране, которая сейчас старается втереться в число «большой восьмерки» процветающих демократических стран, досталось дурное наследство. За нее еще от Ивана Грозного тянется шлейф безжалостного империализма. Загребущим ее большевистским лапам трудно разогнуться в открытую ладонь. И все-таки сейчас это уже другая страна. Автократия сменилась клептократией, что в общем-то не так уж противоречит зачаткам демократии. В этом странном обществе распространяется всеобщий «слив», но не так уж сильно процветает тотальная ложь. Разделившаяся на множество разных кланов и направлений пресса не позволяет вратить влагу. В отличие от чеченских «полкомов», которые даже своего президента превратили в заурядного агента тотальной дезинформации, российские генералы осторегаются вратить. Если подыскивать однозначное определение российской ситуации, можно предположить, что здесь правит парадоксальный парадокс. Чекисты родины, еще недавно осуществлявшие презренный сыск и контроль по всему идеологическому пространству — на экранах иногда даже появляется один из душителей альманаха «Метрополь», — сейчас волею судеб стали борцами против абсолютного басаевского злодейства, а стало быть, защитниками этой недозрело-перезрелой демократии.

В историческом смысле российская цивилизация, разумеется, пере-

живает период распада империи. Его не остановить, но речь сейчас идет не о сохранении империи, а о возможности создания на ее месте обширного демократического содружества. Удастся ли преодолеть всеобъемлющий цинизм, жадность, жуликоватость, найдется ли в конце концов хоть какой-нибудь позитивный потенциал — вот в чем вопрос.

Чеченская Ичкерия, как побочный продукт имперского распада, хотя и кажется некоторым представителям интеллигенции содружеством суро-вых борцов за независимость, по части дегенеративных признаков дает сто очков вперед парадоксальной метрополии. Национальное самоопределение всегда было священной коровой, воспитанной в разночинных традициях интеллигенции. На примере Ичкерии мы видим, какие плоды иной раз могут принести эти страстные импульсы. Мрачнейшее феодально-рабовладельческое царство, в практике которого мы видим постоянный садистский постулат рассечения человеческой плоти, вырастает там на поле независимости. Римское право, Десять заповедей, Кодекс Наполеона, всевозможные хартии прав человека, Устав ООН, то есть все основные вехи на пути человеческой истории, не существуют на этом пространстве, а шариат используется лишь как прикрытие для разбушевавшихся комплексов неполноценности.

Конечно, нельзя весь чеченский народ обвинять в случившемся. В любом народе, по всей вероятности, численно преобладают невинные души, однако мы знаем по опыту истории, что время от времени в сердцевине народа возникает энергетическое ядро, заряженное злой волей. Так было в Турции перед армянской резнью, так было в России и Германии. Энергетическое ядро современной Чечни состоит из басаевских башибузуков. Как выяснилось в Дагестане, их боится весь Кавказ. Им кажется, что они формируют новую расу господ. Им кажется, что они, мифические богатыри, разгромили Россию в войне 94 — 96-го годов, что впереди у них еще множество побед над «неверными».

Не следует недооценивать мессианический позыв чеченского энергетического ядра. Большевистская революция 1917-го не смогла бы победить в России без интенсивного революционного террора 1881 — 1911 годов. Правда, в отличие от басаевских живодеров, юные террористы тех лет не прикрывались живым человеческим щитом, не стреляли из-под юбок рожениц, не взрывали много квартирные дома, они безоглядно жертвовали собой во имя «светлых целей», однако так или иначе именно энергетическое ядро ничтожного меньшинства, которому аплодировала разночная интеллигенция, разрушило все общество.

Современные политологи Запада проводят линию драматического разлома истории по границе между западным и восточным христианством. Это неверно, существует другая линия, и на этой линии истинного разлома сейчас ведут бои российские Вооруженные силы. Это не религиозная война. Пророки мусульманства и христианства не противоречат друг другу. Аллах у нас у всех один. Вот только дьяволы, быть может, разные.